

К-556

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

Цена 15 коп.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

7

МОСКВА,
ИЮЛЬ 1928 г.

КРОКОДИЛ

№ 28

ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

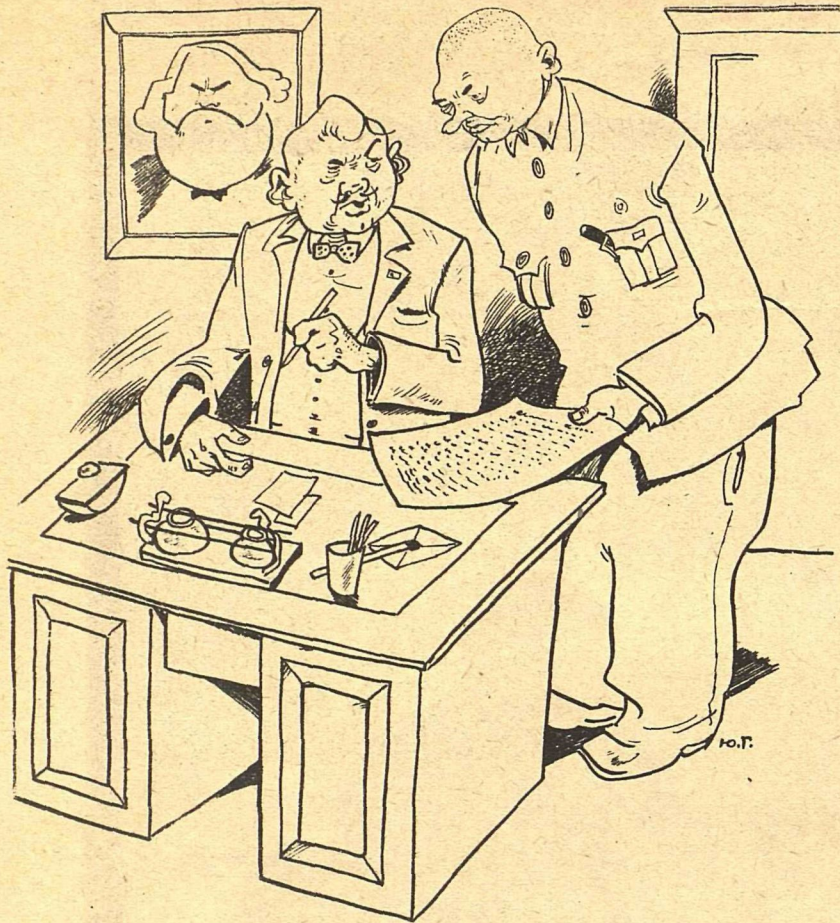
Рис. В. Козлинского

— Что значит дача и кислород; как мысль работает, какое творчество развивается! На днях-мне пришло в голову, что если бы соединить нашу Поганку с Атлантическим океаном, можно было бы в ней купаться. А вчера я уже план соединения провел через комиссию, — и работают люди...

ТОЖЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Рис. Ю. Ганфа

— У нас спрашивают достижения, а вы о растрате шести тысяч пишете!?

— Так это же и есть достижение: в прошлом году к этому времени двенадцать было растрчено.

ЗАПИСКИ САМОКРИТИКА

— У меня записано.
— Что у вас записано?
— Которые крестьяне по ночам с огнем сидят...
ЧЕХОВ. „Утнер Пришибеев“.

„Решил записывать, которых беру на заметку, а то как бы не забыть. Память-то дырявая. Очень просто, позабудешь про кого-нибудь и не доложишь на собрании, а он, гад, возрадуется и успокоится. Еще подумает, будто бояться его или что шито-крыто все, никому неизвестно. Нет, брат: шалишь, не укроешься! На то самокритика.“

Нынче т. Федотова взял на заметку. Давно подозревал и приглядывал, а нынче окончательно выследил. Сидит, гляжу, в городском саду на самой темной скамейке, думает, что никто не увидит, — и с Пяточковой в обнимку. А она к нему голову на плечо. Лахудра, от живого-то мужа! А я давно замечаю, что промежду них есть что-то такое, — ну, только прямых улик не имел.

На собрании доложу. Нам таких партийцев не надо! Пресеку разложение“.

„В обеденный перерыв улучил минутку, слазил в ящик к машинистке Захаровой. На мое счастье, сумку она в ящике оставила. И что же вижу: в сумке, помимо губной помады, пара новых шелковых чулков завернута в бумагу, а в другом отделении — записочка любовного содержания.“

Это на шестьдесят-то шесть рублей жалованья — шелковые чулки?! А записочка без подписи. Хитер кто-то, мерзавец. А думаю, что кто-нибудь из наших же конторских. Возможно, что и партиец.

Ну, да ты хитер, а я хитрее. Прослежу.

Захарову взял на заметку. Доложу на собрании. Хоть и беспартийная, но в беспартийных рядах нам тоже не надо разложение“.

„Выходим после работы, а т. Николаев, смотрю, сворачивает к магазину ЦРК. Я потихоньку за ним, будто что-то тоже нужно купить, и наблюдаю. Другой бы, на его месте, по сторонам, конечно, поглядел бы: нет ли кого знакомых?.. Но он поступил очень нагло: думает, как ответственный, то самокритика не про него писана, — и, не оглядываясь, видит ли кто, спокойно приобретает нижеследующее (записываю детально):“

- 1) Полбутылки пшеничной водки.
- 2) Бутылку вина виноградного „Мускат“.
- 3) Ветчины 400 грамм.
- 4) Колбасы „отдельной“ 200 грамм.
- 5) Печенья „Пушкин“ одну пачку.

Пять предметов всего, на общую сумму 5 р. 71 к.

Не говоря уже об алкогольном излишестве, позволяют ли разряды партмаксимума производить подобные расходы? А кроме того, для кого

СЛОН И МОСЬКА

(Басня по Крылову)

По улицам Слона водили,
Как будто на показ:
Бывают и слоны с дефектами у нас,
И нужен масс контроль,—
Так мудрено ль,
Что самокритики толпой за ним ходили?..
И вот, из-за угла
(Благожелательно, а вовсе не со зла),
Вдруг Моська на Слона давай метаться,
И лаять, и визжать, и рваться!
— Ай, Моська! Знать, она сильна,
Что лает на Слона! —
Воскликнул профактив — и прочие активы:
— Протекция у ней иль свыше директивы?..
А Моська им в ответ:
— Я лаю, спора нет,
Да что ж не лаять-то, коль (всякий это знает)
Он лаю моего со-о-овсем не замечает?!..

Скажу вдобавок я:
Какой бы шум все подняли, друзья,
Когда бы критика пошла в другом порядке,
И Слоны бы Моськины облаял недостатки...
Все подхватили бы: «Ах! Давно пора!..»
И Моську палкою прогнали б со двора.

Переработана

Савелием Октябрьевым.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!
Посылайте вопросы в отдел „Крокодильская Викторина“.

бутылка „Муската“? Тут, кроме излишества, несомненно, еще и баба предвидится. Кто ж это поверит, что коммунист для себя виноградное вино покупает и печеньем интересуется!

На заметку беру крепко. Надо будет последить дополнительно и послушать, нет ли каких разговоров“.

★

„Петрова взял на заметку, И неожиданно, потому что никаких подозрений у меня на него не имелось. А просто, вижу, трое беседуют,—я тихонько приблизился и слышу, Петров говорит:“

— Акинфиев парень не плохой, но без кружозора, недалекий. Для нашей ячейки нужно бы более крепкого секретаря...“

Тут другие заметили меня и ничего не сказали в ответ. Поэтому и не беру их на заметку: чего не знаю, того не знаю. А про Петрова доложу на собрании. Посмотрим, что ему Акинфиев на это. Такие, как у Петрова, склонические тенденции надо в зародыше пресекать путем самокритики“.

★

„В ячейке — уклон и нарушение директив. Мне даже договорить не дали на собрании про всех, взятых мною на заметку: затюкали, а председательствовавший, Худяков, заявил, что „для сплетен он слова не давал и не намерен давать“.

Спелись!

Ну, ладно! На то есть печать. Грамотный,—напишу. Посмотрим, как будет газета реагировать на тех, которые в зародыше удушуют с корнем здоровую самокритику!..“

Нинита Крышнин.

ВИКТОРИНА С ОТВЕТАМИ

ВОПРОС. Какое произведение начинается словами: „Мой дядя самых честных правил“?

ОТВЕТ. Рекомендательная записка зава-племянника.

ВОПРОС. Кто сказал: „Критиковать — легко, работать — трудно“?

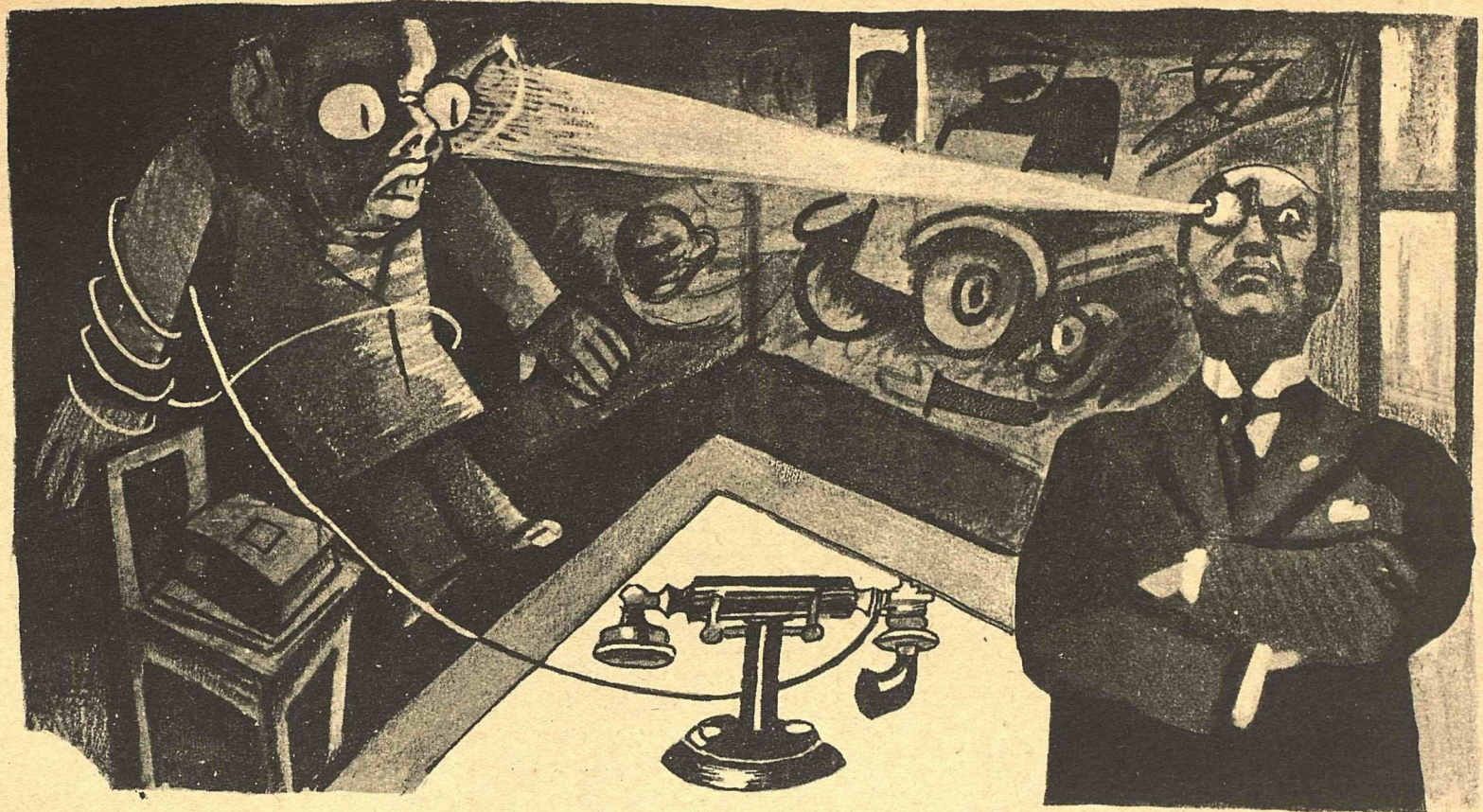
ОТВЕТ. Рабкор, снятый с работы за критику.

ВОПРОС. Имел ли право Пушкин сказать о себе: „Ты сам — свой высший суд!“?

ОТВЕТ. Нет, потому что он был не завои или управделами, а всего только камер-юнкером.

ВОПРОС. Что хотел сказать Некрасов словами: „На проклятые вопросы дай ответы нам прямые“?

ОТВЕТ. Хотел сказать: „Заполните, товарищ, анкету!“.

Стих. Маяковского

Д Р А Ж Э

Рис. А. Радакова

В меру
и черны и русы,
пряча взгляды,
пряча вкусы,
боком,
тенью,
в стороне,—
пресмыкаются трусы
в славной
смелыми
стране.
Каждый зав
для труса —
туз.
Даже
от его родни
опускает глазки трус
и уходит
в воротник.
Влип
в бумажки
парой глаз,
ног
поджаты циркуля:
«Схорониться б
за приказ...
Спрятаться б
за циркуляр...»
Не поймешь,
мужчина,
рыба ли —
междометья
зря
не выпалит.
Где уж
подпись и печать!
«Только бы
меня не выбрали,
только б
мне не отвечать»...
Ухо в метр
— никак не менее —
за начальством
ходит сзади,
чтоб услышав
ихнье
мнение,
завтра
это же сказать им.
Если ж
старший
сменит мнение,
он
усвоит
мнение старшино:
— Мнение —
это не именье,
потерять его
не страшно.—

Хоть грабьте,
хоть режьте возле него,
не будет слушать ни плач,
ни вой.
«Наше дело
маленькое —
Я сам по себе
не великий немой
и рот
водою
наполнен мой,
вроде
умывальника я».
Трус
оброс
бумаг
корою.
«Где решать?!
Другие пусть.
Вдруг не выйдет?
вдруг покроют?
вдруг
возьму
и ошибусь».
День денской
сплетает тонко
узы
самых странных свадеб —
— увязать бы
льва с ягнёнком,
с кошкой
мышь согласовать бы.
Весь день
сердечко
ужас кроит,
предлогов для трепета —
кипа.
Боятся автобусов
и Эркай,
начальства,
жены
и гриппа.
Месткома,
домкома,
просящих взаимы,
кладбища,
милиции,
леса,
собак,
погоды,
сплетен,
зимы
и показательных процессов.
Подрожит
и ляжет житель,
дрожью
ночь
карежит тело...»

Товарищ,
чего вы дрожите?
В чем, собственно,
дело?
В аквариум,
что ли, сажать вас?
Революция требует,
чтобы имелась
смелость,
смелость
и еще раз —
с-м-е-л-о-с-т-ь.

РАССУЖДЕНИЯ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(На бланках «служебных записок»)

**

Не будь изобретателей, сотрудники комитета по делам изобретений не получали бы жалованья. Равным образом, угрозыск не мог бы существовать, и сотрудники одного испытали бы все тягости безработицы, не будь в СССР преступников. Но на что нужны, например, выдвиженцы? Отсутствие сих последних не только не лишило бы заработка кого-либо из совслужащих, но даже наоборот!

**

Если тебе не запрещают критиковать, — не сделай отсюда ложного вывода, будто над тобою уже нет начальства. В особенности твердо памятуй о существовании такового, когда намеришься выступить с критикой. В противном случае вверенное тебе оружие критики может дать чрезмерно сильную отдачу или даже выстрелить в тебя же из казенной части.

**

Наблюдая, что ежегодно в течение всего лета в Москве ремонтируются мостовые на одних и тех же улицах, вследствие чего летом движение по упомянутым мостовым невозможно, — и соображая, что в зимнее время хорошая мостовая является излишней, поскольку недочеты сглаживаются снежным и ледяным покровами, — испытываю тягостное недоумение.

— Почему бы в летнее время не ограничиться только заграждением улиц или воспрещением проезда по ним, не производя излишних крупных затрат на ненужный ремонт?

Как часто простой недостаток сообразительности и практической сметки препятствует у нас проведению в жизнь режима экономии!..

Беспартийный Савелий Октябрьев.

СМЕЛАЯ РЕФОРМА

(Председателю Главискусства — скромное посвящение „Крокодила“)

Рис. В. Козлинского

Тов. СВИДЕРСКИЙ: — Открою доступ свежему воздуху в Большой театр. Авось, атмосфера освежится.

ДОЖДАЛСЯ

— Ну, брат! Поздравь! Теперь моя возьмет!

— Кто «твоя»?! Кого возьмет?!

— Вообще моя. И вообще возьмет. Теперь, брат, он не отвертится, теперь — самокритика! Это ему не режим экономии. Пусть-ка попрыгает у меня, — посмотрю я на него, как он будет выглядеть!

— Да про кого ты?!

— Все про него же, про Терентьева. Знаешь Терентьева, инженера нашего?!

— Ну, знаю.

— Вот. Сволочь исключительная, надо тебе сказать! Еще в третьем году перестал со мной здороваться, то-есть я с ним. Правда, из-за ерунды вышло, но все-таки факт. Вышло из-за того, что я хотел устроить свою племянницу, совсем уж было протащил через Иван Ивановича, а Терентьева чорт нанес как раз в то время, когда Иван Иванович резолюцию накладывал. «Зачем, — говорит, — нам таких брать?». То-есть, как так, говорю, зачем? Прекрасная работница и все прочее! А Терентьев бесстыдно ляпает: «Племянницу свою зря расхваливаете, — нам такие работницы не нужны». И все дело провалил. Я было и от родства отрекся и вообще ото всего отказался, но Иван Иванович на меня косо поглядывать стал. С тех пор я Терентьеву этого и не забыл! Теперь он у меня поет, сукин сын! Я про него все узнал!

— Что ж узнавать-то?! Работник, кажется, хороший. Инженер-общественник, — побольше бы таких, как говорится...

— Там пускай говорится, что хочет, а я так не оставлю. Слава богу, три года дождался. Ты знаешь, что он из Тамбова?

— Первый раз слышу. Но если даже из Тамбова, так что?!

— То-есть как это «что»? А ты знаешь, что у меня в Тамбове тетка жены двадцать восемь лет безвыездно прожила, а?!

— И это от меня ускользнуло.

— То-то и есть! Прямо господь меня надоумил. Приехала как-то тетка к жене на несколько дней, — говорить со старой душой не о чем, — я и спросил, не знаете ли, мол, Терентьевых в Тамбове? Как она заведется, — как радио! Так и чешет, так и чешет: «У одних, — говорит, — у Терентьевых лавка своя была, скобяным товаром торговали. У других, тоже у Терентьевых, свои дома были. Третьи Терентьевы скотом торговали, четвертые — двух сыновей-офицеров имели. У пятых — вовсе сын полковником был и с Мамонтовым после налета бежал из Тамбова. Понимаешь?!

— Пока — мало. При чем же тут наш Терентьев?!

— Опять — двадцать пять. Терентьев он или Собакевич?!

— Терентьев.

— Вот я ему в порядке самокритики и пришью всех тамбовских Терентьевых. Пусть выкручивается! Я уж и заметку написал в стенгазету: «Белобандитам не место в советской промышленности», да редколлегия почему-то не взяла, — я и им это припомню. А про Терентьева все выложу на первом же самокритическом собрании, — там он не он, а пришью: и дома пришью, и лавку, и полковника, — все пришью... Надо будет и про редколлегию узнать, — нет ли кого из них тамбовских? Ну, пока!

Самокритик куда-то полетел радостным лётком, а я скромно возблагодарил судьбу за то, что я не из Тамбова...

Л. Е. Пешкин.

ДОСТИЖЕНИЕ ТЕХНИКИ

Рис. К. Ротова

АВТОДОР В ПРОВИНЦИИ ИЛИ РЕЙС „ЗАНОВО ОТРЕМОНТИРОВАННОЙ МАШИНЫ“

ШУТКИ ЗЕЛЕННОГО ЗМИЯ

В июльский вечер отдыхающие, в шубах и башлыках, собрались, по обыкновению, в клубе санатория.

За окнами завывал ветер... С минуты на минуту ждали снега.

И когда завелуб объявил, что сейчас начнется кино-сеанс, все радостно захлопали в ладоши:

— Совсем как в Москве, в зимний вечер, в первом Совкино на Арбате!..

Свет потух, и на экране задержалась лента без названия.

... Директора Мушкина снимают с работы... Он уезжает в Крым для лечения... Здесь он знакомится с хозяйственником Душкиным... Веселая вечеринка... Пьянка... Женщины... Мушкин подружился с Душкиным... Мушкин получает высокое назначение...

Потом появилось на экране название картины: «Достойное возмездие», и в зале вспыхнул свет.

— Bravo!.. Bravo!.. Впервые вижу советскую картину, построенную не по шаблону, — затарахтел видный театралный критик. — У нас всегда сначала директор разлагается в пяти частях, а в шестой его снимают с работы...

— Оорригинально!.. Острррроумно! — делились впечатлениями отдыхающие. — В Москве нас кормят халтурой, а здесь, в санатории, вдруг такая свежая трактовка сюжета!.. Кто сценарист?.. Кто режиссер?..

Восторги публики были прерваны выскочившим на сцену бледным, расстроенным завелубом:

— Так что, товарищи, от имени правления клуба прошу извинения! Назююкался вдребезги, каналья механик и провертел советский боевик «Достойное возмездие» задом наперед!.. Сейчас досадная ошибка, товарищи, будет исправлена, и мы вам покажем фильму как полагается...

— Не надо, — заревела публика, — знаем, все знаем!.. Мушкина назначают директором. Он сводит знакомство с Душкиным... Веселые вечеринки... Пьянки... Женщины... Поездка в Крым... Мушкина снимают с работы... Видели мы все это!.. Будя!.. Попили нашей кровушки!..

— Как хорошо было бы, — мечтательно вздыхал театрик, — если бы московские кино-механики почаще напивались...

Публика расходилась. На дворе стояла июльская ночь. Завывал ветер. Начался заморозок...

— Здесь тоже кто-то вертит ленту наоборот, но получается значительно хуже, чем у нашего талантливого кино-механика, — сказал штатный остряк и утонул во мраке.

По слухам, пьяный механик после этого случая зазнался и уехал в Москву.

Здесь он работает теперь главным монтажником на одной из московских кино-фабрик.

И. Амский.

НОВЫЙ СПОСОБ ОЧИСТКИ...

Одесские «Известия» в № 2567 скромно сообщают:

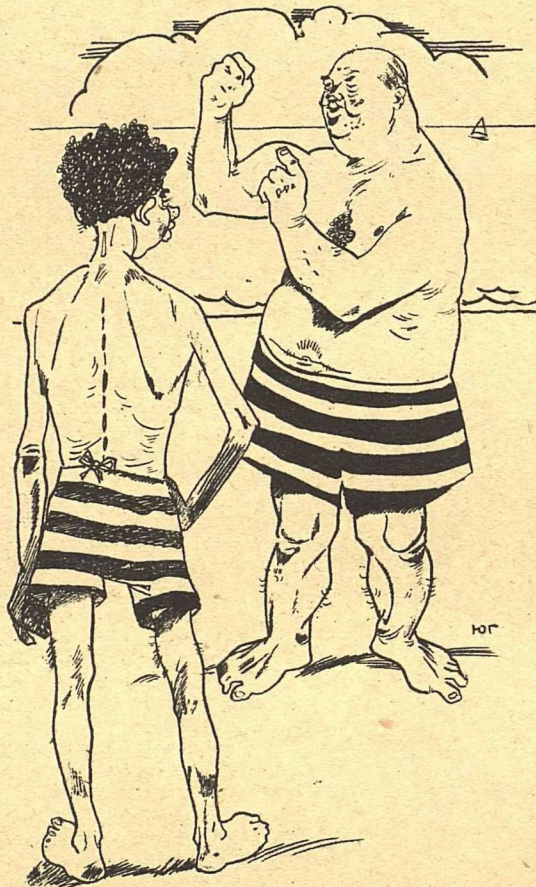
НОВЫЙ СПОСОБ ОЧИСТКИ КЕРОСИНА

— Студент-медик Ленинградского университета Данилов изобрел прибор, механизмирующий процесс шивания ран во время операций. Применение прибора ускоряет шивание ран и сокращает время пребывания оперируемого под наркозом.

Механизировать процесс шивания ран можно. Может быть, есть и новый способ очистки керосина. Но механизировать процесс правки корректуры не следует, ибо способ очистки редакции от небрежных работников не нов, но весьма для очищаемых неприятен.

ТЯЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА

Рис. Ю. Ганфа

— У вас великолепно развита правая рука, Иван Сергеевич!

— Еще бы. Ежедневно сотни бумаг подписываю...

УЕДИНЕННОЕ МЕСТО

Сорок пять минут нашего. В переводе с заводского жаргона — без четверти пять... Коля Пузинин уже не мажет канифолью проклятый, все время соскакивающий, приводной ремень наждака. Жорька Перпендикуляр собирается в царство свободной любви — в Сокольники, где пьют вино, а на закуску целуют девчат. Перпендикуляр подходит к лучшему молодому сдельщику завода — Васе Загребасе. Вася уже с вымытыми руками прильнул к окну и смотрит напротив в третий этаж... Там лежит покойница. Целая Сухаревка теток воет, а единственный сын командиром на тот свет занят двумя делами — он плачет и ворует столовой ложкой со стола варенье... Загребася вооружен на сегодня только двугривенным для борьбы за существование... Он глядит также и на пивную. Она сегодня для него неприступная крепость, которую не возьмешь таким слабым оружием, как двадцать копеек... И на лице сдельщика-слесаря выгравировано недовольство на проклятую жизнь...

— Вася, дуем в Сокольники, — говорит Перпендикуляр. — Погода хорошая. Солнце. Фейерверки будут!

— Солнце — не червонец. На солнце не выпьешь. Луна — не полтинник. Никуда не пойду. Жестянка без денег, — не жизнь, а кошачья гребля!

К мрачному Загребасе подлетел веселый слесарь Гриша.

— Загребаська, завтра сделка будет. 3.000 контактов на электроветку ставить будут. Смотри, вон за мастером туча набивальщиков таскается, нужно семь человек. По 9 рублей в день можно подработать!

Вася преобразился. Прыгнул от окна и кинулся к другу Сашке, собиравшему загупленные ножовочные полотна.

— Сашка, есть сделка. На семь парней. Мастера нужно в самое уединенное место затащить. Нашим ребятам сдельную отвоевать. У тебя деньги-то есть?

Идем к мастеру.

— Илья Палыч, сегодня с вами валяем в пивное бюро, а?

Мастер, добродушный курносый парень, виновато осклабился.

— Не могу, ребята, я ведь теперь пред Осоавиахима. Сегодня у меня перерегистрация членов.

— Ха-ха-ха! Сто раз ха-ха-ха, Илья Палыч! Да ведь там у тебя членов-то живых никого нет, одни значащиеся, — ты, так сказать, бесчленный пред, ты-ты-ты!

Загребася окаменел от мысли и оттащил Сашку к давяльному станку.

— Вот и нашли самое уединенное место! Уединеннее нашего добровольного общества ничего не найти... Туда не то, что в отдаленную пивную. Никто отбивать сделку в Авиахим не придет...

И Вася прямо обратился к мастеру:

— Илья Палыч, мы вот семь человек к тебе в Осоавиахим членами записаться решили, будем вместе работать и общественно и сдельно. Думаю, что ты своих осоавиахимщиков без сдельной не оставишь, а вишь, вот я какой!

Мастер улыбнулся.

— Таких, как ты, только трое: ты, Кудин и еще один.

— Ура, ребята! — шепнул Сашка, — теперь мы в самом уединенном месте, куда ни один наш сдельный конкурент не заглядывает никогда! Можем без посторонних людей ежедневно на счет сдельных будущих работ.

Да здравствует Осоавиахим!

Павел Черенков.

НЕВЕСЕЛЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Материальное положение литературного молодняка крайне неудовлетворительно. В редакциях и издательствах попрежнему к начинающим литераторам относятся совершенно недопустимо.

Поэт, надеждой вдохновляем,
Принес «поэму бурных лет».
Сказал редактор: «Прочитаем
И сообщим ответ,
Поэт».

Но время бешено бежало.

Минуты шли,
Часы текли.

Поэма девственно лежала
В никем не сметенной пыли.
Кричал поэт: «Меня заели!..»
Вздыхал редактор: «Чья вина?..»

На той неделе,

В самом деле,
Поэма будет прочтена.

Ведь я в работе, как в кутузке,

Ведь я бы в час покончил с ней!..

Но сутки узки,

А нагрузки

Хватает в день на десять дней».

Придя опять, взыскав мести,

Поэт немедля обалдел:

На старом, на знакомом месте

Иной, неведомый сидел!

И он сказал: «Поэму? Срочно?!..»

И к ней немедленно ответ?..

Но, я вам заявляю точно,

В архиве сей поэмы нет!».

И время снова побежало.

Минуты шли,

Часы текли.

Поэма больше не лежала,

Ее нечаянно...

Нашли!

Прочли!

Редактор поразился!

Немедля справки навели!

Дабы немедленно явился

Поэт, сидящий на мели.

Но... слово падает ударом,

Как звон

Унылых похорон.

Он —

Не придет за гонораром:

Он одряхлел... И умер он!

А. К—ский.

КОЛЛЕКЦИЯ ЛАКИРОВАННЫХ

(Портреты)

7. ТОВАРИЩ ЛАПШИН

Неспособный ни к какому серьезному, усидчивому труду Митя Лапшин усвоил, в качестве спасительной лакировки, роль рубахи-парня, общего любимца и «души общества».

Роль эта вполне подходила к Мите. Несмотря на явно обременяющую полноту, Митя всегда сиял весельем и добродушием. Маленькие пупырчатые глазки его задорно сверкали на рябом потном лице. Засаленный ворот русской рубашки всегда был отстегнут и свешивался клином на пухлую грудь. Тоненький ремешок с трудом поддерживал обширное, налитое пивом веселое чрево. С первого же взгляда легко можно было определить, что у Мити вся душа нараспашку.

Митя, конечно, пил. Но пил он только в компании. Пил легко и весело. Умел вокруг выпивки объединить самые разнообразные пьющие единицы. А самое главное—умел устраивать пьянку на законном, так сказать, основании, вполне безопасно и даже идеологически обоснованно. Он был застрельщиком по устройству всевозможных юбилеев, встреч, чествований и проводов. И всегда единогласно избирался в организаторы различных затей, неизменно кончавшихся возлиянием.

У себя на службе Лапшин появлялся метеором.

— Нател! Терзайте,—говорил он толпе ожидавших его с утра просителей.— Только скорее!

Ставил счастливым размашистые резолюции, а несчастных просил приходиться завтра.

— Некогда, братцы, некогда! Лечу!

И конфиденциально сообщал секретарю:

— Какой я коньячище достал! Обалдеть можно! Четыре ромба... Командармский...

Служебные дела Лапшин вообще любил облебастривать на ходу. Между рюмкой, в вагоне, на загородной прогулке, во время визита к девицам.

Со всеми без исключения Митя был на ты. Благодаря этому многие деловые отношения крайне упрощались.

Однажды ему было поручено продвинуть запутанное дело, застрявшее в учрежденных дебрях на целых два года.

Лапшин направился прямо в центр. Постарался встретиться в театре с самим Федором Михайловичем. Несмотря на то, что Митя никогда не был с ним знаком, он радостно, по-приятельски приветствовал его:

— А, Федя! Сколько лет, сколько зим! Как поживаешь?

— Ничего,—растерянно ответил Федор Михайлович, сияясь вспомнить, кто это с ним разговаривает.—Ну а... ты как?

— Я—великолепно! Все там же! Работы только по горло. Кстати, Федя! Что же это творится у тебя в ведомстве? Понимаешь, чистое дело маринуют два года. Насчет нашего под'ездного пути... Бюрократизм, голубчик!

— Я не в курсе... Если знаком с этим делом,—скажи завтра секретарю, чтобы показал мне...

И на другой же день Митя получил резолюцию, распутавшую сложный узел учрежденской волокиты.

После этого случая Лапшин неустанно козырял именем Федора Михайловича, называя его запросто Федей, чем и приводил в трепет окружающих.

Впрочем козырял Митя и другими более или менее известными именами, а иногда даже и неизвестными, выдуманными на скорую руку.

У Мити было еще одно весьма ценное качество его лакировки. Он охотно все устраивал и доставал, никогда не отказывая нужным человечкам в услуге.

— Я враг официальной и формализма. На вещи нужно смотреть просто.

На вещи он смотрел, действительно, просто. Особенно на казенные, забирая их для себя, а больше — для друзей и знакомых.

— Нужна, говоришь, пишущая машинка? Пожалуйста, бери. А мы себе выпишем!

— Неудобно, как-то...

— Бери, бери! Ерунда: амортизируем и вся недолга.

Как-то на дачных именинах у Ивана Степановича зашел разговор о персонах, увлекающихся высокими заборами.

— По правде сказать, и мне вокруг дачи следовало бы поставить заборчик повыше, — скромно заметил Иван Степанович. — Все-таки я теперь — член коллегии...

— Ну, и что же! — ответил Лапшин. — Пара пустяков. Завтра же пришло. У меня есть вокруг склада подходящий забор. Сниму и пришло.

— Ну и Лапша! — засмеялись гости. — Такого доставалы еще и свет не видывал.

По части доставания и устраивания Митя, в самом деле, бил все рекорды. У него была замечательная записная книжка с алфавитом. Под каждой буквой значились те или иные вещи, нужные для доставания, и адреса лиц, к которым следует обращаться.

Под буквой А, например, были записаны такие слова:

— Абрау-Дюрсо, по заготов. цене у тов. Шустера.

— Автомобили — у Сашки.

— Анапа — ребячьи койки у Гинкина.

— Аперетка — позвонить Гри. Як. И т. д.

Особенно много полезных указаний было внесено под буквой К. Тут были: калоши, Кисловодск, Крым, вообще, кровати пружинные, койки санаторные, комнаты, коньяк, карты, контрольные комиссии и даже какое-то загадочное «ку-ку».

Чем чаще заглядывал Митя для своих друзей в алфавит, тем больше ширилась о Мите слава, как о рубахе-парне и хорошем товарище.

— Позвони Лапше, — он мигом устроит.

Если Митя иногда и засыпал вкуче с кем-нибудь из неосторожных друзей, то почти всегда получал снисходительное прощение.

— Опутали парня черти. Видят, — душа-человек и пользуются его добротой.

По случаю удачного окончания дела устраивалась выпивка. Мрак быстро рассеивался и лак на Мите сиял пуще прежнего, словно омытый очистительным дождем быстролетной грозовой тучки.

Б. Самсонов.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УСПЕХ

Рис. В. Гин

— А вы говорите, что стенная газета не читается, — смотрите, какая куча стоит!..

— Чудак! Так я же на место стенгаза циркуляры о сокращении штатов наклеил!

НАШЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Правильно указывает товарищ Максим Горький, что не только о недостатках писать надо,—надо и достижения указывать, чтобы другие равнялись и подтягивались. Вот и заграничный товарищ, а понимает. Наш же брат как навалится на недостатки,—прямо зачем его грамоте учили: и то плохо, и то нехорошо, и то головоунышество, и то бесхозяйственность, и то бюрократизм с волокитой, и то язва, и то изжить, и то железом. Аж голова крутится! Нет того, чтобы достижения поотмечать, тем более мелкие.

Все это неправильно. И чем дальше, тем больше. А как самокритика подошла,—удержу ребятам нет. Так и кроют, так и кроют. Даже у нас на заводе и то непорядки нашли,—несколько заметок проскочило в газеты.

Так вот я по поводу этих самых заметок и хочу с вами, товарищи, поделиться, и поделиться не мнением или, скажем там, выругать писателей наших. Нет, просто хочу о достижениях сказать.

Писали про нас, что прогулы у нас большие,—верно. Что с прогульщиками борьбы нет настоящей,—тоже правильно. Писали и то, будто у нас ни к псовое оборудование из-за границы выписали и в сарай свалили,—тоже опять-таки правильно. Не об этом я. А вот о чем: объясните мне, почему это при самом режиме самокритики на всеобщих наших собраниях—тишина между прочим, и никто не галдит ни про прогулы, ни про борьбу, ни про заграничное... Так, может, кто в сердцах и повячит чего-нибудь, но в протокол не записывают, и сами же ребята останавливают: не бузи, мол, брось трепаться!

— Думаєте,—побавляются чего?!
Как же. Такие ребята. На кой ляд их чем-нибудь напугаешь, да еще при нонешней самокритике,—сами напугают так, что и родителей как звать забудешь. Не в этом, конечно, соль и содержание, а в главном нашем достижении. Достижение же в том, что в заводоуправлении свои парни сидят.

Вы подумаете, что из своих же рабочих это значит... Плохо подумаете, потому что, подумавши хорошо, такое не сказали бы: иной и из рабочих вчера с тобой рядом за станком стоял, а нынче—красный директор и тебе же приказания отдает, тебя же чехвостит и за прогул, и за брак, и за все прочее. А вот у нас может и не рабочие в заводоуправлении, а парни свои.

Свой парень—душа-человек,—вот что значит «свой парень»!
Скажем, с заграничным оборудованием случай. Надо было Скипидарову—пом. директора завода—за границу проехать. Парень свой. Конечно, будь бюрократ или что,—рабочие бы гомон подняли,—зачем, мол, посылаете, ежели он ни бельмеса в этом не смыслит? А тут посмотрели,—парень свой, сколько разов с ним водку пили и на миллиарде играли,—пушай едет! Хоть кому доведись такой случай,—каждый бы поехал! Так и рассудили.

Приехал, барахлишка привез всем, никого не забыл: кому картинку самодвижущую, кому—галстук, кому что. Оборудование глянули, поехали, да в сарай и свалили. Другой бы на его месте нам попался,—сейчас бы до суда затюкали. А тут—что сделаешь,—свой парень—то больно! Затягвал было Аксенов из кузницы, ну мы его и осадили: «Ты бы лучше привез?..»—«Я бы,—говорит,—может и не взялся за такое дело, не поехал бы».—«Брось,—говорим,—трепаться, каждый поехал бы». Так тем и кончилось на заводе.

Опять прогулы возьмем. Тут и ячейка уж нашумела, чтобы без пощады и до победоносного конца с прогулами бороться. Ну, в заводоуправлении свои парни, отстояли:

— Не из нашего и не из вашего кармана прогульщики тянут,—свое пропивают.

— Так заводу же убыток от ихних прогулов, и производство страдает.

— Заводский убыток опять не из нашего и не из вашего кармана покрывать будем, а что до производства, так за него не ячейка, а заводоуправление отвечает.

Так и бросили. Конечно, после прогула явишься, попадешь на глаза Кухневу самому—директору завода,—обматерит за милую душу. А обиды от этого нет,—может я с ним и водку пил во время прогула, что ж он с тобой делает?

Вот это и есть достижение, когда свои парни в заводоуправлении. Только не то, чтобы из рабочих да еще из наших же,—эти прижать норовят и работу спрашивают. А вот настоящие «свои парни»—это достижение: ни тебе склоки, ни тебе самокритики. Тихо, благородно

Вл. Павлов.

„ЖИВАЯ ВОДА“

Рис. М. Черемных

КУЛЬТРАБОТНИКИ: — Посмотрим, у какого источника этот человек утолит свою жажду...
ЖАЖДУЩИЙ: — Что-то пить хочется, — где тут пивная?..

Николай Семенович Молодых проводил свой отпуск у родственников своей жены на юге. Ему было скучно. В городки играть было не с кем. Купаться нельзя — либо дождь, либо холодно.

— Я слышу, как я толстею, — кричал он жене, лежа на диване.

— Ничего удивительного, тебя еще не так разнесет: ведь ты весь день валяешься на диване. Пошел бы, погулял бы!

Николай Семенович вскакивал и уходил.

Он шатался по городу. От скуки читал вывески и на базаре приценивался к телятам и овцам.

Однажды вечером, шатаясь по городу, он заметил в большом окне нижнего этажа учреждения «Госмико» много народу. «Должно быть у них собрание?» — подумал Николай Семенович, вошел туда и сел на подоконник. На него никто не обратил внимания.

Председательствующий говорил:

— Итак, товарищи, по докладу заведующего кто желает выступить? Нет желающих?

И тогда Николай Семенович брякнул: — Я.

И, не дожидаясь согласия, начал:

— Вот какое дело, товарищи! Конечно, доклад приемлем, но, к сожалению, наш заведующий совсем не коснулся вопроса о выдвиненцах, которые у нас имеются, — они в загоне, на какой-то мелкой и ненужной работе. Теперь относительно так называемых «родственников». Все об этом знают. Все об этом шепчутся. А между тем все попрежнему — «родственнички» получают жалованье и никто их и не думает сокращать...

С тревогой все смотрели на незнакомого человека. Председательствующий смотрел на Николая Семеновича удивленными глазами. А Николай Семенович вспоминал все порядки во вверенном ему учреждении и продолжал:

— Теперь — вопрос о шефстве опять заглох! Где наша шефская комиссия? Почему она ни разу за этот год не отчитывалась? Теперь вот еще относительно нашего месткома. Как известно, местком призван защищать интересы трудящихся. И вот посмотрите, как же он их защищает. Он защищает их так, как это угодно администрации...

Николай Семенович на секунду задумался и, что-то вспомнив, продолжал:

— Да, вот еще относительно нашего заведующего. За весь год это его первый отчет. Притом отчитываться в летнее время, когда многие сотрудники в отпуску, по-моему тоже неудобно. И последний вопрос, это относительно самокритики. Несмотря на то, что председательствующий несколько раз предлагал высказаться по докладу заведующего, никто не осмелился выступить. А почему? Очень просто — запуганы. Боятся. Вы скажешься, а завтра тебя ущемят. И сотрудники только по углам да в уборной шепчутся. А чтоб вот здесь, на собрании, так гайка слаба...

Поднялся шум. Обиженные сотрудники кричали что-то непонятное. До Николая Семеновича долетало: — А ведь вы-то высказываетесь! Вас-то никто не ущемляет!..

— Я-то, конечно, никого не боюсь, — перекричал всех Николай Семенович. — Мне некого бояться — во-первых, я не ваш сотрудник, и в вашем городе временно, только в отпуску...

— Безобразие! Вон! Долой!

Николаю Семеновичу пришлось уйти. Когда он сворачивал за угол, его догнал заведующий «Госмико», которого так здорово раскритиковал Николай Семенович, и спросил у него:

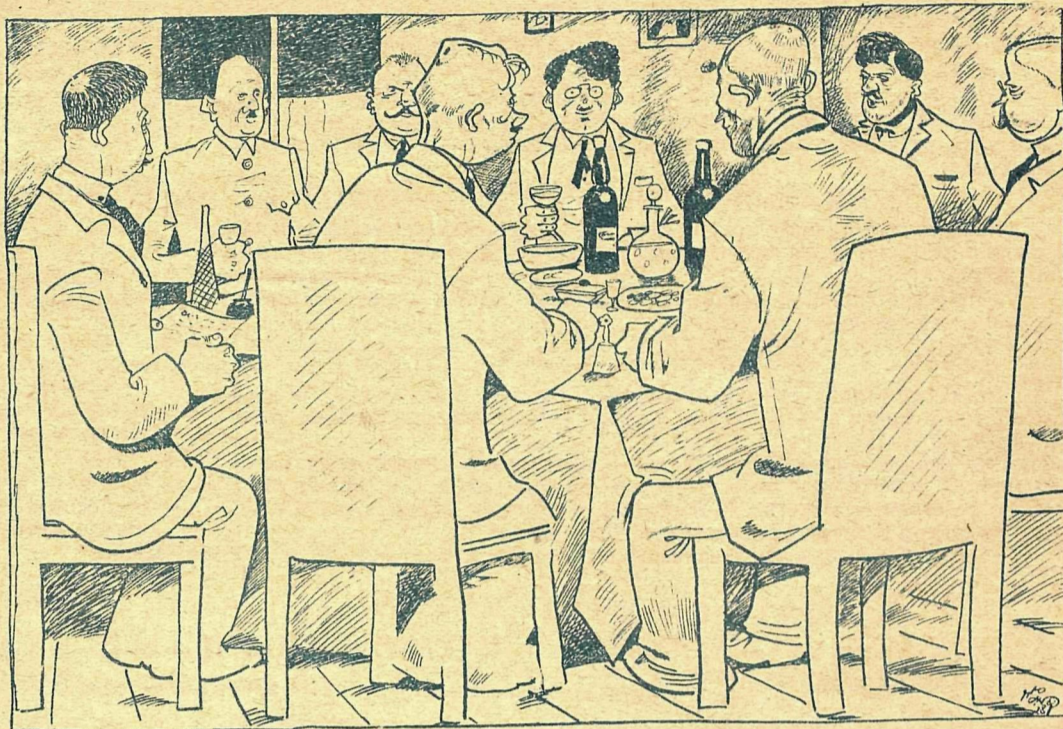
— Товарищ, простите, но скажите, откуда вы узнали и про выдвиненцев, и про шефскую комиссию, и про самокритику — ведь вы у нас первый раз?

— А это очень просто, — ответил Николай Семенович, улыбаясь. — Ведь я тоже заведующий.

Они пожали друг другу крепко руки и распрощались.

Б. Левин.

Рис. Ю. Ганфа

— Как тебе удалось собрать летом совещание?..

— А я вместо повестки разослал меню...

МАЛЕНЬКИЕ ЧИНОВНИКИ

Столяров, — старый большевик, — не застав брата, к которому зашел во второй раз по возвращении в Москву, сидит на скамеечке, на огромном дворе густо населенного дома, щурит серые глаза и расспрашивает племянника и племянницу, родившихся и выросших за время его бурного отсутствия.

— Ну, молодежь, отец ваш скоро ли вернется? Где он?

— В райкоме! — отвечает мальчик.

— А потом — домой?

— Потом в ядэйку...

— Так... а потом?

— На пленум...

— Фу ты! Да что ты от меня сторонисься, бутуз? Дай, что ли, руку дяде!

Девочка говорит скороговоркой:

— Митя руки не подает! Через рукопожатие передается зараза!

— Я луку не подаю... — подтверждает Митя.

Столяров на минуту ошалевает.

— Зараза? — повторяет он, смотря на свою широкую, могучую ладонь. — Зараза, говоришь? Ну, что же! А и верно, пожалуй! Ну, и молодежь пошла!

Он оглядывает двор, кишащий детворой и звенящий голосами, и, останавливая взгляд на чинных фигурах племянников в красных галстучках, спрашивает:

— Ну, а вы-то что ж? Почему же в одиночку-то? Вы бы в лапту, что ли, с ребятами!

— Мы с неорганизованными не водимся! — быстро говорит девочка.

— С неорганизованными... не водимся... — повторяет брат, как эхо.

Столяров вглядывается, прищуриваясь.

— Во-от вы какие! — произносит он медленно. — Ну-ну... Ну, молодцы! Что же они... неорганизованные-то эти... нехороши?

Девочка морщит лобик, обдумывая, а потом отвечает так же авторитетно и отчетливо:

— У них папы неотвественные, а у нас ответственный!

— У нас освесенный... — вторит эхо.

Столяров щурится еще больше.

— Та-ак! — говорит он. — Так! Это что же? Сами додумались или папа, значит, так распорядился?

Отвечает опять-таки девочка, смотря твердым, не детским взглядом:

— Папа — ничего, а это — мамина директива.

— Мамина дилектива!

— Н-ну! — восклицает Столяров, и от глаз его под лохматыми бровями остаются только щелочки. — Ну, и мама ж у вас! А это — что? Тетрадка вот эта зачем?

Девочка охотно расправляет тетрадку и отдает ее дяде.

— Протоколы, — заявляет Митя, а девочка по-ясняет:

— Мы с Митей образуем в семье юнсекцию и когда собираемся, то протоколируем события и регистрируем поступки.

— Во входящий их, значит? — говорит Столяров, нагибаясь над тетрадкой и чтя выведенное каллиграфически:

«Протокол собрания юнсекции. Председатель — мама. Секретарь — Зина. Присутствуют — Митя».

Тут девочка заявляет:

— Мы больше не можем разговаривать, потому что по расписанию должны сейчас разумно отдыхать...

— Лазумно отдыхать, — картавит Митя и принимается бегать в уголке двора.

Столяров сидит на скамеечке и, почему-то отвернувшись от примерных детей «ответственной» мамы, досадливо вздыхает.

В. Авилов.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

ОСОБАЯ ПОРОДА

«Брянский Рабочий» в № 143 сообщает:

В конце июня в Брянск придет профессор N, который будет продолжать изучать брянских птиц и рыб.

Не знаем, какими особыми породами фауны может похвастаться Брянск, но во всяком случае рекомендуем уважаемому профессору заняться изучением брянских уток, разводимых в питомнике местной газеты.

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Рязанский «Рабочий Клич» в отчете о шахтинском процессе в № 143 упорно называет подсудимого Отто свидетелем (и в заголовке и всюду в тексте).

Интересно, зачем понадобилось редакции делать читателей свидетелем своей невнимательности?..

АНГЛИЧАНКА ГАДИТ...

Редактор верхне-камской «Смычки» в заботах о заполнении номера поместил в одном и том же 138 номере газеты две одинаковых телеграммы из Лондона.

Из чувства порядочности и для разнообразия хитрый редактор в одной из телеграмм заменил несколько слов другими и, кроме того, одну телеграмму поместил 13-м числом, а другую — 14-м.

Редактор всю вину сваливает на Чембердена:

— Известное дело, англичанка гадит!..

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

Перед закатом солнца тишина и благодать разлиты в воздухе. Такое же настроение бывает в учреждении перед уходом начальника.

★

Канцелярист похож на навозного жука. К сожалению, между ними существует неприятная разница: жук питается навозом, а канцелярист червонцами.

★

Докладчики всегда ищут дачу близ реки — для того, чтобы материал для докладов был всегда под рукой.

★

Рыболовов сравнить можно с самокритиками. Им тоже попадаются чаще мелкие пескари, чем крупные щуки.

★

Многие хозяйственники не возражали бы, если бы ревизоры летали на аэропланах: сверху крупные промахи кажутся маленькими недостатками механизма.

★

Лес напоминает учреждение: каждое деревцо изо всех сил тянется кверху, чтобы возглавляющее лес солнце обратило на него внимание.

ДОМОРОЩЕННЫЙ КУРОРТ

(Из цикла «Провинция»)

Рис. И. Каликина

Конечно, великая штука — Кавказ:
Там равные горы, народы...
Но в смысле леченья — простите, — у нас
Почище кавказских есть воды.
Да, да, кроме шуток. У нас есть курорт
В районе Рубцовского вика.
Так это, я вам доложу, — первый сорт.
Восторг! Не курорта, клубника.
Случайно в селеньи Гнилые Ключи
Открыл некий фельдшер водичку,
Которой все немощи можно лечить,
И пить, извините, — и мыться.
Хоть бочку сопьешь — ни-ка-кого вреда!

Пей год — ни-ка-кого из'яна!
Вот это — вода! Эт-то — да! Хоть куда!
А вы говорите — нарзаны!
Журчал, извиняюсь, паршивый ручей,
Журчал этак мирно и тихо.
И вдруг, понимаете, пара врачей
Вокруг заварили шумиху.
Конечно, сейчас же собрали совет,
Губадравцы забегали чортом.
Туда и сюда. Не прошло двух-трех лет —
И мы с первоклассным курортом.
Ну чем не Кавказ? Толчея, кутерьма,
Врачи, санаторий заводский,

И ванны, и флирт, и ответственных тьма,
И дорого, как в Кисловодске.
Весь город курортом доволен и горд, —
Есть где показать свои моды.
Великая штука иметь свой курорт
Под боком, на лоне природы.
Чуть лето пришло — не ломай головы.
Мы в праве курортом гордиться:
Недавно, представьте, из самой Москвы
Партиец приехал лечиться.

Вас. Лебедев-Кумач.

ВИЛЫ В БОК

ВАНЕЧКА ДОДУМАЛСЯ

Сходить с ума нужно тоже с умом. Член палатки ячейки ВКП, Нижегородского уезда, Иван Наумов растратил 600 рублей сельсоветских денег.

Умный Ванечка немедленно прикинулся психически-больным, устроил легкий тарарамчик, лег в постель и распорядился позвать попа.

Причастился Наумов и приказал читать молитвы, чтобы выгнать из себя беса.

Бесенок до сих пор сопротивляется и не желает выселяться из Наумова.

И до чего все-таки нонче сумасшедшие хитрые пошли!..

ЧИЧАС БЛОНДИН, ЧИЧАС БРУНЕТ

Такие примерно фокусы выкидывает Всесоюзное Контрагентство Печати.

Выпустило оно серию открыток „виды Крыма и Кавказа“. Для максимальной экономии средств взяли одну и ту же фотографию и напечатали ее разными красками. Под одной написали Сочи, а под другой—Гагры.

Хорошо все-таки, что у контрагентщиков остатки совести сохранились:

А то бы взяли вид Сочи напечатали синей краской и подписали: Архангельск ночью.

Отбили бы веру в себя даже у белых медведей!..

ПОЛНЫЙ МРАК

Несмотря на успехи электрификации, у нас, дорогие товарищи, во многих местах, освещенных даже ярким электрическим светом, царит мрак.

На Ульяновском сахарном заводе понадобилось провести одну лампочку в рабочий летний садик. Провода идут тут же мимо сада. Написал рабочком бумажку и пошла она гулять по инстанциям. Покрылась резолюциями всяких заводов сверху донизу, да так густо, что не разобрать уже, что там написано, даже при электрическом свете...

И еще говорят после этого, что на сахарном заводе сладкая жизнь!

НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЖЕЛУДОК

— Тов. председатель, я кушать хочу!..
— Обождите, голубчик, недельку!..
— Я бы с удовольствием, да вот желудок мой никак не соглашается!..

— Стыдитесь, товарищ, на одиннадцатом году революции иметь такой несознательный желудок!..

Пристыженный сотрудник уходит, подтягивая ремень на животе.

Несознательный живот нагло и демонстративно бурчит... Такие сцены происходят ежемесячно в Енотаевском райисполкоме.

Здесь всегда платят зарплату сотрудникам с большими опозданиями.

ВНИМАНИЮ АВТОДОРА

Товарищи из Автодора! Нельзя ли вашу просвещенную деятельность по улучшению отечественных путей сообщения начать с Ачинского округа... Дело в том, что там, в Саралинских рудниках, рабочим для получения заработка надо бегать около сорока верст взад и вперед: пока цеха, рудком и прочие учреждения не подпишут справок, — местная контора не дает сведений о размерах заработка. Между же прочим, рабочие жалуются, что дороги, по которым приходится бегать, ни к псу негодятся.

Может быть, вы, товарищи, думаете, что легче исправить одно рудоуправление, чем сорок верст дорог!

Мы, лично, сомневаемся...

ТРОЙКА УДАЛАЯ

Вот мчится тройка удалая
По Уфе-матушке зимой (и летом, и весной, и осенью).

Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

Поневоле уныло запоешь, если днем и ночью с экономистом уфимского Церабкоопа тов. Мироновым ездить приходится, а тут и пролетки попадают такие плохие, — уже вторая под тов. Мироновым сломалась. Пришлось 400 рублей уплатить за быструю езду и ремонт; а сверхурочных ямщику никто не платит. Тов. Миронов — барин экономный. Нельзя же с государства две шкуры драть...

САМОВАРНАЯ ЖИСТЬ

В Красноярске есть окружная контора Сибкрайгосторга. Тов. Марцулана, который ею заведует, никак в мелочности не упрекнешь.

В магазине № 2 продавец при раскупорке ящиков с товаром выбросил на двор вместе с ящиком три самовара...

— Эка важность!..

Тов. Марцулан ограничился тем, что объявил продавцу выговор в приказе, даже не строгий, а о заведующем магазином и не упомянул.

Лежат теперь на дворе пузатые самовары и кипятятся:

— Первый раз в жизни видим такое отношение к себе!.. А еще говорят, что мы в советских чайных должны помочь водку вытеснить... Бутылочки с водкой на улице, небось, не валяются.

ШАХ И МАТ

Тов. Катюшкин, председатель 86-го месткома строителей, увлекается шахматной игрой. Играет он запоем дни и ночи напролет...

— Гарде, шах, бью, угрожаю!..

Недавно Катюшкин созвал производственное совещание при строительной конторе МКХ и разослал всем участникам именные повестки.

Рабочие пришли прямо с работы, голодные, а Катюшкина — как кот языком слизнул.

А он, оказывается, сидит в одной из комнат, потный, красный как рак и, никого не замечая, возбужденно выкрикивает:

— Шах королеве, шах королю!..

Не стерпели рабочие и угостили ярого шахматиста крепким матом...

РАСТРАТЧИКИ ЗДОРОВЬЯ

Говорят, что и на солнце бывают пятна. На курортном городке „Солнце“ в Геленджике пятен больше, чем света, так что он скорее напоминает солнце, плотно закрытое грозвыми тучами.

Обещанные площадки для физкультуры не оборудованы, освещения нет, так как купленный двигатель оказался негодным. На еду отдыхающие тратят из-за очереди в столовой пять часов в день.

— Не волнуйтесь, товарищи, — успокаивает отдыхающих заведующий. — Уедете вы домой... За зиму отдохнете, приведете нервы в порядок, а там опять к нам! Три недели и без удобств прожить не страшно!..

ДАЛЕКО, ДАЛЕКО...

— Вы знаете, где Ачинский округ?! Где Саралинские рудники?! Где рудник Крутой? — А кто его знает... Надо думать, далеко.

И верно, что далеко. Настолько далеко, что до сих пор туда не дошли многие распоряжения советской власти. Хотя бы такие простые и понятные, как Кодекс законов о труде. И еще более простое: о том, что рабочим заработную плату надо платить. Об этих распоряжениях советской власти знают все, весь мир знает, кроме Ачинского округа и рудоуправления Саралинского, почему и происходит там такое:

Рудником Крутым владел частник Соколовский. С первого января 1928 года он перестал платить рабочим зарплату. 18 марта рабочие забастовали. В результате забастовки и суда у частника Соколовского был конфискован и рудник, и имущество. Рудник Крутой стал государственным рудником, но... рабочие до сих пор не получают заработной платы.

Товарищи-ачинцы! Неужели «Крокодил» ближе всех к руднику Крутому?! Если он уж поблизости от вас появился, то и до вас легко доберется.

Товарищи-читатели! Посылайте материалы для отдела „ВИЛЫ В БОК“

ТЕЛЕГРАММЫ ОТ СОБСТВЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ „КРОКОДИЛА“

СЫЗРАНЬ, 10-VI.—В городе зарегистрирован случай сонной болезнью. Заболел губсобес в полном составе со всеми завами и помзавами. Болезнь протекает в тяжелой форме. Попытки переехавшего из Сызрани в Ашхабад инвалида разбудить губсобес не увенчались успехом, хотя им были посланы два письма и телеграмма о пересылке его дела в Ашхабад. Несмотря на сонное состояние, сотрудники аккуратно расписываются в требовательных ведомостях на жалованье.

БАЛАШОВ, 9-VI.—Открылась уездная выставка бесхозяйственности. Очень интересные экспонаты демонстрируются директором местного маслозавода Ефимовым. Разобранные прессы, жаровни и плиты валяются под открытым воздухом и ржавеют. Текущий ремонт машин на заводе не производится. Выставка усиленно посещается экскурсиями рабкоров.

МАКЕЕВКА, 10-VI.—В мелкосортном цехе завода им. Томского ведется усиленная работа по подготовке химической обороны страны. Заводоуправление приучает рабочих дышать газами и не ставит поэтому вентиляции. По этому поводу была помещена заметка в местной газете, но она оказалась слабым противогазом.

ЕЙСК (задержалась в пути).—Утонул в бумажном море целый пленум горсовета. В повестке заседания пленума стоял 41 вопрос. Одна только повестка с перечнем вопросов, напечатанная убористым шрифтом, заняла три больших страницы. Секретарь горсовета Рудобаба в беседе с нашим корреспондентом выразил уверенность, что оживление работы советов пойдет вперед быстрыми шагами и на следующем пленуме количество вопросов, стоящих на повестке дня, уже перевалит за сотню.

ТАМБОВ, 11-VI.—В Липецком уезде, на Сырских железных рудниках, состоялось торжественное открытие общества покровительства растратчикам. Председателем общества единогласно избран председатель рудкома Мамаев, который на заседании рудкома добился списания со сборщика членских взносов Гункина растратченных им сумм.

ТОВАРИЩИ-ЧИТАТЕЛИ! ПОСЫЛАЙТЕ ТЕЛЕГРАММЫ В «КРОКОДИЛ».

ПОСЫЛАТЬ ИХ МОЖНО, ДЛЯ СНИЖЕНИЯ НАКЛАДНЫХ РАСХОДОВ, ПОЧТОЙ.

НАШ АДРЕС: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 5, «КРОКОДИЛУ».

32

23703

ГОРОД-САД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ

26 ИЮЛ. 1928

20/ VII

Рис. Д. Мельникова

ПРОЕКТ, РЕКОМЕНДУЕМЫЙ МОССЕЛЬПРОМУ